

Доброе утро!

Вот и настало время очередного фестиваля Tallinn Music Week, который, несомненно, является одним из интереснейших музыкальных событий в Северной Европе. С того момента, как Хелен Сильдна положила начало фестивалю Tallinn Music Week, я считаю его одним из самых интересных музыкальных событий региона именно по той причине, что он способствует новому и инновационному мышлению. Он посвящен многообразию музыкальных вкусов и творчеству артистов, которые хотят сделать что-то новое, что-то другое.

Те, кто слышал мои высказывания на фестивале Tallinn Music Week в прежние годы, знают, что я люблю рок-н-ролл и так же сильно люблю свободу. Для меня два эти понятия неразрывны. Конечно, свобода в действительности может быть и без рок-музыки, потому что когда шотландский философ Джон Локк 300 лет назад заложил основы отношений личности и государства, рок-н-ролла еще не было.

Но в течение последних 60 лет именно рок-музыка испытывала на прочность границы свободы в обществе, в том числе и там, где общество считает себя либеральной демократией. В других местах, где общество является авторитарным, тоталитарным, теократическим или несет в себе все эти черты, не надо быть рок-музыкантом, чтобы попасть за решетку, чтобы тебе угрожали тюрьмой или даже смертью, если ты говоришь то, во что веришь. Мы в Эстонии знаем это очень хорошо, потому что здесь пострадали многие – не из-за того, что играли рок-музыку, а из-за того, что говорили правду. Но страдали и рокеры.

Тем, кто не из Эстонии, это, возможно, кажется странным и не совсем понятным, но когда люди в Эстонии хотели почувствовать себя свободными, они собирались вместе и пели. Они пели рок-музыку, народные песни, классику, а иногда и духовную музыку. И это помогало, даже когда в это было трудно поверить.

Это действовало так хорошо, что теперь это пение называется поющей революцией, потому что наши протесты как раз и вышли из музыки. Но важнее всего при этом то, что свобода выражения – в нашем случае музыка – позволила людям преодолеть страх

перед репрессиями за идущие от сердца песни и слова. Музыка, как и другие виды искусства, способна на это.

Как раз по этой причине часто первый удар принимает на себя именно искусство, которое является наиболее ранимым в отношении репрессий. Любое настоящее искусство противостоит положению status quo (я говорю не о финансируемом и иницируемом государством так называемом искусстве, образцы которого, дошедшие до нас со времен Советского Союза, мы здесь имеем, а о настоящем искусстве). Такое искусство угрожает положению status quo. В противном случае оно было бы обычным и скучным. Искусство тогда является искусством, когда оно делает что-то иначе, создает что-то новое и, прежде всего, всегда и по сути нарушает status quo

Когда самый известный из ныне живущих эстонских композиторов Арво Пярт в 1970-е годы в условиях советской оккупации в Эстонии писал революционную для жанра музыку, она была слишком другой, слишком отличной от мейнстрима, и ее считали слишком подрывной. Так что Арво Пярта пришлось успокаивать. Ему больше не разрешили зарабатывать на жизнь, и он вынужден был эмигрировать. Когда он переехал на Запад, где мог наслаждаться духовной и художественной свободой, он стал легендой, изменившей с тех пор лицо серьезной музыки. Он также не отказался от своей совести и посвятил свою Четвертую симфонию Михаилу Ходорковскому.

С рок-н-роллом дела обстоят сложнее, поскольку рок-музыка всегда бросала вызов фундаментальным устоям общества. Когда Бетховен в своей второй «Героической» симфонии использовал диссонанс и синкопический ритм, слушателям в венском концертном зале это не понравилось, но бюргеры и остальная Австрия ничего об этом не знали.

Рок-н-роллу с его огромной аудиторией удалось своим вызывающим отношением злить людей с самого начала, с вихляний бедрами Элвиса Пресли, которые не пропускали на телевидение. Но лишь немногим более десяти лет спустя, когда Джон Леннон сказал, что Битлз популярнее Иисуса Христа, были организованы народные собрания, на которых жгли диски легендарной четверки. Это говорит о том, что если противопоставлять себя преобладающим в обществе устоям, люди готовы почти на все, включая и сжигание дисков. Наверное, некоторые посчитали, что это отличается от сжигания книг.

Такова роль рок-музыки – нарушать покой настолько, чтобы менять людей, общественные позиции и поведение правительств. Сегодня мы смеемся над тем, как цензура не пропускала Элвиса Пресли и как высказывание Джона Леннона могло вызвать такое негодование. Сегодня Джонни Роттен из Sex Pistols дает ностальгические туры для людей моего поколения, а мне шестьдесят.

Чувства и взгляды меняются, а это значит, что меняемся и мы сами.

Но это верно тогда, когда речь идет об обществе, в котором ценят личность и ее право на свободу самовыражения. Сегодня мы видим все больше столкновений, когда в конфликт вступают разные понимания прав личности – когда общества хотят навязать другим обществам, другим людям свое, часто коллективистское, понимание прав. Я думаю, что первым современным примером этого явления стал случай с Салманом Рушди, который около 30 лет назад пересказал в своем романе легенды о своей религии художественным, необычным и свободным образом. Но некоторые самозванные судьи утверждали, что они оскорблены, и решили, что Рушди должен умереть, хотя он жил в далекой стране, в свободном, либеральном и демократическом обществе, которое зиждется на свободе самовыражения.

Его собственное правительство – правительство Британии – испуганно пыталось дистанцироваться от Рушди. После этого мы видели много других случаев, когда люди, которые высказывают мысли, снимают фильмы, рисуют карикатуры или пишут книги, оскорбляющие какое-то коллективное мнение, были убиты или им угрожали смертью, поскольку их высказывания, как утверждалось, оскорбляли ту или иную группу.

Это прямо противоречит западным идеям просвещения. Наука и искусство эпохи Просвещения позволили нам преодолеть примитивность времен до промышленной революции, изобрести усилители и микрофоны, виниловые пластинки и компакт-диски, видео и Youtube – все то, что является основой рок-н-ролла. Другие могут копировать эти вещи, но не создавать. Их можно создать только в культуре, ценящей роль личности. Потому что чтобы создавать, надо обновлять, делать что-то не так, как в группе, в коллективе.

До эпохи Просвещения мы верили, что Солнце вращается вокруг Земли, и люди,

утверждавшие обратное, были замучены или сожжены на кострах. До эпохи просвещения инакомыслящих обвиняли в том, что они другие, их сжигали на кострах при всеобщем одобрении толпы. До эпохи Просвещения коллективное мышление значило больше, чем идеи отдельной личности.

Это наивысший трагизм авторитарного общества. Оно убивает искру творчества, жизни, культуры и науки. Оно убивает своих ученых и художников. И так оно умирает само вместе с возможностью измениться.

Прошу прощения за такой серьезный разговор, тогда как где-то в голове крутится песня Мика Джаггера „It's only rock'n'roll, but I like it". Это было 40 лет назад, когда я учился на третьем курсе университета.

Но это был не только рок-н-ролл. Это были также Артюр Рембо и Эзра Паунд, Арнольд Шёнберг и Владимир Маяковский, Лу Рид, Салман Рушди, Роберт Мэплторп.

Когда система коллективных убеждений, будь то марксизм-ленинизм, фашизм или какая-то религия, несущая в себе единственную истину, имеет больше права голоса, чем отдельная личность, результатом становится трагедия и пропадает всякая надежда на демократию, свободу или любое настоящее искусство.

Поэтому я желаю фестивалю Tallinn Music Week успеха. Я горжусь этим фестивалем, хотя он и создал для меня много проблем – пожалуй, больше, чем любое другое дело, которым я занимался. Потому что здесь я отстаивал свободу. Разумеется, мои проблемы – мелочь по сравнению с огромными страданиями тех, кого я всю свою жизнь защищал и кому отдаю свое вечное и неугасимое уважение, независимо от формы выражения и вида искусства, в котором они творят.

Я говорю о слишком абстрактных понятиях, но свобода – не абстракция. Это основа жизни каждого человека.

Большое спасибо!